

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 1(091)

Философское обоснование бонапартизма Наполеоном III

А. А. Кротов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: *Кротов А. А.* Философское обоснование бонапартизма Наполеоном III // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 4. С. 712–724. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.409>

В статье анализируются ведущие социально-философские идеи, на которые опирался в своей политической деятельности Луи Бонапарт, официально именовавшийся Наполеоном III после провозглашения во Франции Второй империи. Рассматриваются ключевые концепты бонапартизма: стабильность, независимость, равенство, единение всех классов в империи, политический лидер как выразитель народной воли, спаситель отечества, способный утвердить порядок в обществе. В статье анализируются представления Наполеона III о прогрессе и народном суверенитете. Задолго до занятия высшего государственного поста он предлагал положить в основу будущей конституции страны «три власти»: народа (избирать главу государства, санкционировать его деяния), законодательного корпуса и императора. Подвергая критике республиканское правление, он видел его недостаток в защите незаслуженных привилегий, наблюдавшейся, по его мнению, на всем протяжении истории. Наполеону I он приписывал замысел создания европейской конфедерации свободных народов, отрицая широко распространенные представления о том, что император стремился основать всемирную монархию. Ссылаясь на различие характеров народов, нравов, климатических условий разных стран, Наполеон III призывал отказаться от копирования иноземных учреждений, английских и американских. У Франции свой путь в истории; она, по его представлениям, должна находиться во главе движения цивилизации. В стремлении наметить этот путь он говорил о равенстве, собственности, религии как важнейших элементах общественного бытия. Прогресс, по его мысли, требует периодического пересмотра законов, а потому трансформация империи от авторитарной к либеральной могла интерпретироваться не как вынужденная мера, но в качестве спланированной заранее политической инициативы.

Ключевые слова: бонапартизм, социальная философия, теория народного суверенитета, формы правления, Наполеон III.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Луи Бонапарт, после провозглашения Второй империи официально именованный Наполеоном III, с юности мечтал о выдающейся исторической роли. Его социально-политические взгляды вызревали постепенно, под влиянием семейной обстановки, прочитанных книг, наставлений домашнего учителя (Филиппа Леба), наконец, опыта участия в различных политических событиях. В конечном счете убежденность в важности будущей собственной политической миссии соединяется в уме юного Луи Бонапарта с мыслью о необходимости выразить главные установки, руководящие идеи Наполеона I на современном языке, применить их к новой социальной реальности. Для него важнейшим источником суждений о воззрениях императора служил прежде всего «Мемориал Святой Елены». Обосновывая свои притязания, Луи Бонапарт на всем протяжении своей политической жизни апеллировал к целому ряду социально-философских принципов. В задачу статьи входит представить их суммарный анализ.

В сочинении «Политические мечтания» (1832) Луи Бонапарт говорил о нежелании властителей учитывать нужды народов. Иначе, на его взгляд, обстояло дело во времена правления Наполеона. Луи Бонапарт предлагал положить в основу будущей конституции страны «три власти»: народа (избирать главу государства, санкционировать его деяния), законодательного корпуса и императора.

В работе «Политические и военные рассуждения о Швейцарии» (1833) Луи Бонапарт недвусмысленно дает понять читателю: его побудительные мотивы неотделимы от представлений о будущем Франции. Сюзанна Детерн (Desternes) и Генриетта Шанде (Chandet) обоснованно подчеркивали, что «все излюбленные темы Луи Бонапарта» уже можно найти в этом труде [1, р. 63]. Присмотримся к нему внимательнее.

Луи Бонапарт заявляет, что интерес к «свободному народу» усиливает его любовь к собственной родине; «говоря о Швейцарии, я не мог помешать себе часто думать о Франции». Недавние политические перемены в альпийской стране автор «рассуждений» склонен трактовать сквозь призму идеи прогресса человеческой цивилизации. Его восклицания по адресу жителей Швейцарии («Счастлив народ, который, благодаря своей энергии, смог стряхнуть иностранный гнет! Счастлив народ, который может самостоятельно давать себе законы!» [2, в. II, р. 329]) легко подсказывают читателям мысль об униженном положении Франции, от которого следовало бы избавиться по образцу соседей. Швейцария, согласно Луи Бонапарту, сделала себя подлинно независимой нацией, разорвавшей оковы, наложенные системой 1815 г. Эта система серьезно тормозила ее социальный прогресс. Из сказанного совершенно очевидно резкое осуждение Луи Бонапартом решений Венского конгресса. Впоследствии, находясь у власти, он потратит немало сил для их пересмотра в пользу Франции.

Швейцарию он объявляет «единственным уголком в Европе», где еще сохраняется действительность принцип народного суверенитета. Мысль о реализации этого принципа на практике исключительно важна в структуре социально-философских размышлений Луи Бонапарта. До потрясшей Европу революции (1789) население Швейцарии жестоко притеснялось аристократией, существовало неравноправие кантонов. Произвол в решениях властей сопровождался вопиющими злоупотреблениями. Ситуация кардинально изменилась благодаря Наполеону, который настоял на праве жителей Швейцарии самостоятельно установить подходящую для

них форму правления. Луи Бонапарт излагает весьма приукрашенную версию событий: поскольку кантоны не смогли прийти к согласию, они обратились к Наполеону как медиатору. Тот мудро сумел утвердить демократию в граничащей с Францией стране, обосновав конфедеративное устройство в качестве наиболее подходящего ей. Наполеон обеспечил Швейцарии свободу, а ее народу — суверенитет. Но он намеренно не стал усиливать в ней центральную власть, дабы она не препятствовала его проектам.

Суть же проектов Наполеона, согласно утверждениям его продолжателя, состояла отнюдь не в стремлении утвердить всемирную монархию. «Великий человек не имеет узких взглядов и слабостей, которые ему приписывает толпа. Если бы все обстояло таким образом, он перестал бы быть великим человеком» [2, v. II, p. 335]. Подлинный замысел Наполеона, по мысли Луи Бонапарта, состоял в намерении создать стабильный союз европейских государств, в котором каждый народ располагал бы собственной свободой. С этой целью Наполеон устанавливал, где это было в его силах, временное правление, переходное между старыми и новыми идеями. Отсюда тактика распределения корон среди родственников — они были покорными ему монархами, утрата трона не могла лишить их родины. Таким путем закладывались основы общеевропейского здания. «Если бы он оказался победителем, увидели бы Герцогство Варшавское, превратившееся в польскую национальность; Вестфалию, превратившуюся в немецкую национальность; вице-королевство Италию, превратившееся в итальянскую национальность. Во Франции либеральный режим заменил бы диктаторский режим; повсюду стабильность, свобода, независимость, вместо не достигших полноты национальностей и переходных институтов» [2, v. II, p. 336]. Наполеон, согласно Луи Бонапарту, последовательно шел к этой цели. Для ее достижения, для преобразования переходного правления в систему свободного союза европейских национальностей, ему оставалось одержать победу над Россией и Англией. Противники Наполеона восторжествовали, принялись насаждать прежние, отжившие, несправедливые порядки. «Да, именно во имя свободы монархи свергли с престола Наполеона; но их победа не меньше была триумфом аристократической системы над демократической стороной, легитимности над народным суверенитетом, привилегий и угнетения над равенством и независимостью» [2, v. II, p. 337]. Впрочем, в сознании Луи Бонапарта триумф этот временный, суть прогресса он видит в противоположных тенденциях.

Луи Бонапарт настаивал на том, что республика не может считаться неким политическим принципом. Его главный довод в следующем: республика сама по себе не может гарантировать ни свободы, ни равенства. «Республика в своем общем смысле означает только правление многих» [2, v. II, p. 339]. Но это правление почти всюду оказывалось в руках «тиранической аристократии», владевавшей незаслуженными привилегиями. В частности, «в Италии республики были деспотическими. Законы Венеции были записаны с кровью...». Деспотическую республику Луи Бонапарт считал худшей из форм правления, ибо, по его мнению, народу легче избавиться от ига одного властителя, чем многих. Теоретически демократическая республика превосходна, но история полна примерами иного рода.

В политическом плане будущее видится Луи Бонапарту как гармоничное сочетание различных решений, допускаемых принципом народного суверенитета. В его

рассуждениях присутствуют мотивы, навеянные чтением Монтескьё: «...я скажу, что в общем невозможно признать годной одну систему для всех народов и что желать распространения без различий одной и той же формы правления на всех — идея ложная и неудачная. Каждая нация имеет свои нравы, привычки, свой язык, свою религию; каждая имеет свой особый характер, различный интерес, зависящий от географического положения или ее численности. Если имеются правила, годные для всех народов, то нет системы, пригодной для всех» [2, v. II, p. 339].

Кроме того, ссылаясь на Наполеона и Монтескьё, Луи Бонапарт утверждал, что не может быть вечных законов для одной и той же нации, они должны меняться в зависимости от обстоятельств. Вполне естественно, что разные поколения принимают отвечающие их нуждам и требованиям поправки к законодательству.

Швейцария, по мнению Луи Бонапарта, в политическом отношении вплоть до 1814 г. обладала «совершенным спокойствием», находясь в союзе с Францией. Затем, обманутая своими правителями, она «открыла двери» иностранным монархам, подчинилась их воле. Аристократы вновь захватили руководящую роль в стране, лишив народ законно приобретенных прав. В 1830 г. и во Франции, и в Швейцарии, началась борьба против оков, препятствующих общественному развитию. В переломные моменты общественной жизни, согласно Луи Бонапарту, люди часто обращаются к прошлому либо ищут спасительных примеров за рубежом. Но простое копирование иноземных порядков нередко лишь увеличивает несчастья и раздоры, ведь нелегко выбрать для заимствования только те элементы социального бытия соседей, которые вполне могли бы прижиться и на иной почве. «В 1815 г. во Франции мечтали только об английском правлении; сегодня мечтают только об американском правлении, хотя мы не англичане и не американцы. Мы не англичане, потому что начиная с 1789 г. мы не имеем больше аристократии; потому что мы не окружены морем, которое одно защищало бы нашу независимость; потому что мы не имеем ни тех же нравов, ни того же климата, ни того же характера, ни, как следствие, тех же качеств и тех же недостатков: потребности, стало быть, различны. Тем более мы не американцы, потому что нас 32 миллиона на 20 тысяч квадратных лье, в то время как Соединенные Штаты Америки имеют только 10 миллионов на 280 тысяч квадратных лье, потому что Америка — новая страна, где необъятны земли для использования, где все способности направлены на торговлю и сельское хозяйство» [2, v. II, p. 341].

Соответственно, Луи Бонапарт заключает, что в современных условиях конфедеративная система правления может подходить только Швейцарии и США, в то время как Франции она принесла бы одни несчастья. Во Франции, напротив, централизация послужит «принципом процветания», «подобно тому, как сердце — принцип жизни в человеческом теле». В этом отношении справедливо хвалят политику кардинала Ришельё, боровшегося с притязаниями могущественных королевских вассалов. Достоин похвалы, по Луи Бонапарту, и декрет Конвента, объявивший республику единой и неделимой. Франции нет нужды обращаться к зарубежным политическим моделям; ей нужно правительство, понимающее ее реальные нужды. Франции, таким образом, нужна национальная власть. «Наши потребности — равенство и свобода; наша природа в том, чтобы быть страстными проводниками цивилизации; наше условие существования в том, чтобы быть сильными, с целью защиты нашей независимости» [2, v. II, p. 345].

Швейцария, по мысли Луи Бонапарта, сильно отличается от Франции: она объединяет разные народы, причем ее кантоны разделяют горы, реки, озера. Она вовсе не находится во главе движения цивилизации, ее роль в истории иная. На Францию смотрят с ненавистью соседние короли и с надеждою — подчиненные им народы. О Швейцарии подобного сказать нельзя. Нужды жителей Швейцарии на нынешнем этапе должны быть политически удовлетворены путем упрощения административных связей, укрепления федеральной власти посредством расширения ее полномочий, связанных с возможностью отразить любое вторжение. Примечательно, что о будущем Швейцарии Луи Бонапарт говорил в стилистике теории общественного договора. Подобно тому, как люди перешли от естественного состояния к гражданскому, отказавшись от части своих прав ради более надежного обладания оставшимися, точно так же швейцарские кантоны должны добровольно смириться с потерей некоторых старых вольностей ради более высокой гарантии их общих интересов. Итоговая формула Луи Бонапарта применительно в современной ему Швейцарии такова: более сильная центральная власть при сохранении конфедеративного устройства [2, v. II, p. 351].

Нейтралитет Швейцарии может быть гарантирован, только если его помогут соблюдать могущественные соседи — Австрия и Франция. Интересы этих держав могут вступать в противоречие, поэтому Швейцарии надлежит сделать выбор в пользу более надежного и бескорыстного союзника. В этом вопросе Луи Бонапарту все представляется очевидным: «Выбор не сложен. Швейцария — естественная союзница Франции», — ее правителям нужно осознать эту важную для процветания страны политическую истину, которая провозглашалась еще Наполеоном. Автор «Рассуждений о Швейцарии» выступает с обстоятельно развиваемыми соображениями о способе повысить боевую мощь конфедерации, от общего управления ею, вплоть до состава военных контингентов от отдельных кантонов. Он не скрывает, что в данном случае считает плодотворным ориентироваться на прусскую систему.

Особое политическое значение Луи Бонапарт придавал стабильности системы правления. «Верно, что одна стабильность дает счастье народу; без доверия к будущему нет никакого жизненного духа в обществе, никакой торговли, никаких благодетельных начинаний» [2, v. II, p. 355]. Стабильность, в его понимании, нельзя обеспечить только апеллируя к прошлому как к некоей неизменной основе истории. Точно так же нельзя ее обеспечить, рассматривая настоящее в качестве итоговой вершины развития цивилизации. Прогресс невозможно остановить; нет никакого способа зафиксировать приоритет какого-то современного отрезка истории над будущим. Рассчитывать на успех подобного предприятия было бы нелепостью. «Природа не статична. Учреждения стареют, в то время как человеческий род непрерывно обновляется. Одно — непрочное создание человека, другое — Божества. Разложение может проникнуть в первое; второе неразложимо. Это небесный дух, дух совершенствования увлекает нас за собой» [2, v. II, p. 356].

Трансформация социальных учреждений, согласно Луи Бонапарту, процесс вполне закономерный: любой институт возникает из реальных потребностей народа, в этом смысле поначалу он всегда полезен. Но со временем может случиться так, что этот институт станет препятствием развитию, уже не будет отвечать новым нуждам страны. Тогда исключительно важно осуществить насущные изменения,

устраняющие злоупотребления, привести законодательство в соответствии с потребностями общества. В переходные моменты истории право определять насущные политические изменения принадлежит народу, а не маленькой его части или партии. На практике, по Луи Бонапарту, это означает, что народ должен располагать возможностью утвердить либо отбросить решение, предложенное просвещенными его представителями. Нация санкционирует тот или иной проект, но не обладает правом политической инициативы, иначе волнения и беспорядки непрерывно сменяли бы друг друга в смешении законов, кодексов, поправок.

В духе социалистических учений своего времени Луи Бонапарт призывает направить усилия на государственном уровне для улучшения жизни трудящихся: «Всякая финансовая система отныне должна быть сведена к этой проблеме: облегчать положение бедных классов. Эта филантропическая максима признана всеми добрыми умами» [2, в. II, р. 364–365].

Согласно Луи Бонапарту, на протяжении почти всей человеческой истории правительственная власть находилась в руках одного какого-либо класса. Разительное исключение из этого правила — Наполеон: «Можно, стало быть, по справедливости, выдвинуть утверждение, что правление Наполеона, плебейского императора, представило нам, быть может, первый пример правления, при котором все классы были поддерживаемы, ни один не отброшен. Именно таким образом следует понимать равенство: учреждения не должны создаваться ради одного класса или одной партии; они должны равным образом покровительствовать всем» [2, в. II, р. 367–368].

В сочинении «Наполеоновские идеи» (1839) Луи Бонапарт солидаризировался с теорией прогресса, но подчеркивал также наличие разрушительных тенденций в жизни общества. Формы правления он считал изменчивыми, зависимыми от велений времени. Вместе с тем они — «движущая сила» общественных организмов. Наполеона он изображает величайшим гением, выразителем новых, прогрессивных идей. Наполеон, по его мысли, планировал создание европейской конфедерации, в которой каждая нация располагала бы собственной свободой. Идеи императора проросли и, несомненно, восторжествуют.

После неудачной попытки захвата власти (Булонь, 1840) Луи Бонапарт, согласно воле Луи-Филиппа, предстал перед судом палаты пэров. Он воспользовался ситуацией, чтобы, по сути, провозгласить политическую декларацию. «Официальный повод дал мне возможность объяснить моим согражданам мое поведение, мои намерения, мои планы, то, о чем я думаю, чего желаю» [3, р. 1]. Он отвергает право пэров выступать его судьями, ссылаясь на плебисцит, некогда отдавший власть во Франции в руки его семьи. Результаты голосования не были отменены нацией, они были пересмотрены отдельными людьми, а потому решения их незаконны. Хотя его и содержат под стражей, хотя он выслушивает обвинения, но необходимости оправдываться не чувствует. Принцип народного суверенитета утвердила во Франции революция, самая «мощная» из когда-либо случавшихся в истории. Свободным изъявлением своей воли нация затем одобрила устройство империи. Луи Бонапарт настаивал, что им движет не личное властолюбие, а более возвышенные мотивы. Несправедливые и незаслуженные преследования, обрушившиеся на него с детства, не смогли сделать его «чуждым достоинству, славе, правам, интересам Франции». Его поступки и убеждения о том свидетельствуют.

Когда народ в 1830 г. восстановил суверенитет, он ожидал, что нации позволят высказаться о политическом будущем, но этого не произошло. Между тем только народ вправе решать, будет ли во Франции республика, монархия, империя. Когда народ скажет свое слово, страна снова станет могущественной и уважаемой. Луи Бонапарт берет на себя всю ответственность за попытку свергнуть действующий режим, заявляет, с целью облегчить участь друзей и сподвижников, что никто из них не имел заранее представления о его планах. Он говорит о том, что не видит никаких разногласий между собой и пэрами Франции. «Последнее слово, господа. Я представляю перед вами принцип, дело, поражение; принцип — это суверенитет народа; дело — это дело империи; поражение — Ватерлоо» [3, р. 3]. Пэры сами служили делу империи, принцип суверенитета был признан ими, а за поражение все хотели бы отомстить.

Заседавшие в палате пэров, заметим, вовсе не ощущали солидарности с подсудимым. Их приговор — пожизненное заключение. Луи Бонапарт, выслушав вердикт, будто бы иронично заметил: «Сколько времени продлится во Франции это навсегда?» [1, р. 105]. Несомненно, он верил в свою счастливую звезду.

В заключении он пишет работу «Угасание пауперизма» (1844). В ней предложен проект преобразования общества, призванный улучшить положение трудящихся. «Рабочий класс не располагает ничем, его надо сделать собственником. Его богатство только в его руках, нужно дать этим рукам применение, полезное для всех. Он — как народ илотов среди народа сибаритов. Нужно предоставить ему место в обществе и соединить его интересы с землей. Наконец, он лишен организации и связей, прав и будущего, нужно ему предоставить права и будущее, и возвысить его в собственных глазах через ассоциацию, воспитание, дисциплину» [2, в. II, р. 117]. В основе проекта Луи Бонапарта лежит идея создания на пустующих землях сельскохозяйственных колоний, вступить в которые могли бы оказавшиеся без работы жители страны. Первоначально государство должно выделить субсидии на их создание. Со временем, благодаря доходу от своего труда, колонисты перестанут нуждаться в поддержке. Между городами и сельскохозяйственными колониями будет налажена система обмена рабочей силой, в зависимости от их насущных потребностей. Государство сохранит общий контроль за происходящим в экономической сфере: каждый год управляющие сельскохозяйственных колоний будут собираться в столице под руководством министра внутренних дел для выработки решений по улучшению благосостояния трудящихся.

В 1846 г. Луи Бонапарту удается бежать из заключения, он обосновывается в Англии. Революция 1848 г. открывает ему дорогу к блестящей политической карьере во Франции. Будучи избран в национальную Ассамблею, он заявил в своей первой речи, что благодаря республике обрел свою родину и все права гражданина после 33 лет изгнания. Он клянется в верности и преданности республике, готовности работать на благо страны и демократических институтов.

Незадолго до президентских выборов он в качестве кандидата обращается к согражданам с манифестом. И в этом тексте мы встречаем своего рода клятву: «Если я буду провозглашен Президентом, я не отступлю ни перед какой опасностью, ни перед какой жертвой, чтобы защитить столь нагло атакуемое общество; я целиком посвящу себя, без задней мысли, укреплению республики, мудрой своими законами, честной в своих намерениях, великой и сильной в своих действиях»

[2, v. III, p. 25]. Луи Бонапарт обещал оставить своему преемнику в должности президента, через четыре года после своего избрания, сильную власть и нетронутую свободу. Он обещал также продвинуть страну по пути прогресса. Свою борьбу за высший пост в государстве он обосновывал выбором народа, призвавшего его в качестве своего представителя (в национальную Ассамблею). Луи Бонапарт выражал уверенность, что само его имя воспринимается народом как «символ порядка и безопасности». Заявляя о намерении ознакомить избирателей с собственными принципами, он уверял: «Я не честолюбец, мечтающий то об империи и войне, то о проведении в жизнь разрушительных теорий». Франции, по его представлениям, необходимо правление «справедливое и прочное, которое восстановит порядок в умах, как и в делах, которое эффективно защитит религию, семью, собственность, вечные основы всякого социального состояния; которое вызовет возможные реформы, успокоит рознь, примирит партии и позволит таким образом беспокойной родине рассчитывать на завтрашний день» [2, v. III, p. 24, 25]. Луи Бонапарт заявлял о своей готовности склониться перед волей народа, каков бы ни был его выбор в отношении кандидатуры президента.

Впоследствии, не желая покидать высший пост, он осуществит государственный переворот. В обращенной к народу прокламации он объявил о роспуске национальной Ассамблеи, ставшей, по его словам, «очагом заговора», готовившего гражданскую войну. Он жаловался, что конституция была намеренно составлена так, чтобы заранее ослабить власть избранного народом президента. Он предлагал народу высказаться в пользу его плана преобразования политической системы, восходящей, как особо подчеркивалось, к первому консулу, сумевшему обеспечить процветание Франции. Свою «великую миссию» он видел в том, чтобы «завершить эру революций, удовлетворяя законные нужды народа» [2, v. III, p. 273]. В случае отсутствия одобрения на плебисците Луи Бонапарт обещал оставить свой пост.

В знаменитой речи в Бордо (октябрь 1852 г.) он, замечая, что, по-видимому, Франция склоняется к империи, провозгласил: «Империя — это мир» [2, v. III, p. 343]. В речи, посвященной провозглашению империи (декабрь 1852 г.), он заявил сенаторам и представителям законодательного собрания: «Новое правление, которое вы торжественно открываете сегодня, не происходит, как столько иных в истории, из насилия, завоевания или хитрости» [2, v. III, p. 352]. Империю он представлял «законным результатом воли всего народа» и клялся обеспечить процветание Франции, «поддерживая мир», но при этом ничем не поступаясь в вопросах «чести и достоинства» страны.

Наполеон III, явно под влиянием своего выдающегося предшественника, посвятил специальное исследование жизни Юлия Цезаря (1865–1866). Заметим, что Наполеон I относил Юлия Цезаря к семи величайшим полководцам в истории. Он не скрывал своего восхищения выдающимся римлянином: «Он перешел Рубикон с одним только легионом, присоединил к себе тридцать когорт в Корфинии и в три месяца выгнал Помпея из Италии. Какая быстрота! Какая стремительность! Какая смелость!» Но, главное, для Наполеона пример Цезаря позволял судить об «истинных правилах ведения войны». «Правила Цезаря были те же, коими руководствовались Александр и Ганнибал: держать свои силы в совокупности, не иметь уязвимых мест, устремляться с быстротою на важнейшие пункты, использовать моральный фактор, славу оружия, страх, который они внушали, а также

политические средства для обеспечения верности союзников и удержания в повиновении покоренных ими народов» [4, с. 678, 680]. При этом важно учитывать, что, согласно Наполеону, «у древних битвы были более редкими и менее кровопролитными» [5, t. XXXII, p. 83]. Что же до правления Цезаря, то его власть, по Наполеону, была вполне легитимна, являлась следствием народной воли и защищала интересы Рима.

Наполеон III, со своей стороны, рисует Цезаря благородным спасителем отечества, который был вынужден встать на путь гражданской войны. «Цезарь, как люди его закала, мало ценил жизнь, и еще меньше власть ради власти самой по себе; но, глава народной партии, он чувствовал за собой великое дело; оно подталкивало его вперед и понуждало победить, несмотря на законность, проклятия своих противников и сомнительное суждение последующих поколений. Распадающееся римское общество требовало повелителя; угнетенная Италия, представителя своих прав; мир, согнувшийся под ярмом, спасителя. Должен ли он был, изменив своей миссии, обмануть столько законных надежд, столько благородных стремлений?» [6, t. 2, p. 514]. Согласно Наполеону III, перейдя Рубикон, Цезарь принял правильное решение.

Заметим, что многим исследователям близка оценка «Истории Юлия Цезаря» Наполеона III, высказанная В.В. Водозовым: «Книга эта свидетельствует о серьезном изучении римской истории, написана живо, изящным языком, не без некоторых признаков художественного таланта, но чрезвычайно тенденциозно; восхваляя Цезаря, Н. явно оправдывал самого себя» [7, с. 552–553].

В 1870 г., в речи по поводу майского плебисцита, Наполеон III заявил о признательности нации, в очередной раз выразившей ему свое доверие. Он говорил о том, что, одобрив конституционную реформу, народ тем самым взял сторону империи против разрушительного начала революции. Империя — это политическая система, гарантирующая «порядок и свободу». Наполеон III говорил об укреплении империи, о либеральном курсе, с которого не свернет его правительство. Оно «будет защищать все интересы», но также «заставит уважать национальную волю». Император говорил о цели, стоящей перед нацией, реализация которой позволит вознести прогресс цивилизации на небывалую прежде высоту. Эта цель предполагает объединение вокруг конституции «честных людей всех партий», она требует «обеспечить безопасность; привести к успокоению страсти; предохранить общественные интересы от заражения ложными доктринами». Кроме того, упомянутая цель означает развитие образования, общественных работ, внесение требуемых временем изменений в законодательство, особое покровительство сельскому хозяйству, улучшение системы распределения налогов, совершенствование административных связей, поиск новых средств усилить процветание страны. «Сегодня мы должны более чем когда-либо, смотреть на будущее без страха» [8, p. 1]. Империя казалась стабильной, долговечной. В этом вопросе, очевидно, император серьезно ошибался.

Мыслителями — современниками Луи Бонапарта было высказано немало нелестных замечаний в его адрес. Так, К. Маркс считал, что лишь особый расклад классовых сил во Франции привел к власти авантюриста: «2 декабря февральская революция исчезает в руках ловкого шулера». Особенность действий бонапартистского правительства он видел в том, что оно, «действуя наугад, ошущью, старается

то привлечь, то унижить то тот, то другой класс» [9, с. 425, 514]. В. Гюго, рисуя образ пигмея, жутьничеством захватившего власть, замечает: «Бонапарт охотно разыгрывает социалиста» [10, т. 5, с. 25]. Менее резкими становятся оценки в работах исследователей последнего столетия. В этом плане типичной выглядит констатация Эрика Ансо (Anceau): «С Наполеоном III, личностью богатой и сложной, ничто не просто» [11, р. 14]. Жорж Прадалье (Pradalié) утверждал: «...своим образованием, своим характером, своими идеями Наполеон III сближался с левыми, как и они, пропитанный гуманитарным идеализмом вполне в духе 1848 г.» [12, р. 15]. Фредерик Блюш (Bluche) справедливо подчеркивает: «Сен-симонизм, например, повлиял только на экономический и социальный анализ принца, не на его политические конструкции» [13, р. 68]. Жорж Бордонов (Bordonove) отмечает важную черту личности Наполеона III: при воссоздании империи «он верит более, чем когда-либо, что время от времени порождаются люди, чтобы вытягивать страну из маразма и направлять ее к вершинам» [14, р. 122]. Адриен Дансет (Dansette) обоснованно полагал, что в работах Луи Бонапарта, написанных в заключении, отражено не «времяпрепровождение дилетанта», а стремление использовать даже момент лишения свободы ради продвижения к намеченной политической цели [15, р. 185]. Рафаэль Лалу (Lahlou) обращает внимание, что «узник сближается с социальным и политическим движением сен-симонистов» [16, р. 42]. Жюльетта Гликман (Glikman) кратко резюмирует: «...узник использует приговор, чтобы интегрироваться в политический ландшафт» [17, р. 9]. Луи Жирар (Girard) справедливо утверждает, что для Луи Бонапарта «история имеет смысл; человеческие общества прогрессируют в силу естественного закона» [18, р. 47]. Как отмечает П. П. Черкасов, уже в ранних работах Луи Бонапарта выражено убеждение, «что наполеоновская империя в полной мере соответствовала этому идеалу, который был утрачен после 1815 г. и который Франция обязана обрести вновь» [19, с. 22].

Подводя итоги, подчеркнем: среди ведущих теоретических установок Наполеона III, служивших ему важнейшей мировоззренческой опорой в политической деятельности, в первую очередь должна быть отмечена концепция народного суверенитета. Ее обстоятельно развивали во Франции мыслители XVIII в., но, по-видимому, почерпнул ее Луи Бонапарт не из чтения трудов Руссо и иных авторов, а из истории, в трансформированном, «превращенном» виде: практики проведения плебисцитов во времена Первой империи. Принцип народного суверенитета своеобразно истолковывался Наполеоном III как право нации санкционировать тот или иной проект, утвердить кандидатуру, претендующую на высший государственный пост. Но право выдвижения политических инициатив Наполеон III за народом не признавал, что существенно сужало представление о суверенитете, де-факто передавало значительную часть прерогатив суверена императору.

Не менее важную роль в обосновании бонапартизма для Наполеона III играла идея прогресса цивилизации. Идея эта также получила специфическое преломление в его сознании. Выразителем новейших, прогрессивных идей он считал своего великого предшественника. Соответственно этой точке отсчета он отвергал решения Венского конгресса, критиковал республиканское правление, будто бы исторически связанное с социальной несправедливостью. Обратной стороной принятия идеи прогресса выступала мысль о невозможности издания вечных идеальных законов, зафиксированных на все времена. Подобного рода установка

позволяла легко менять направление политики, например при переходе от авторитарной империи к либеральной. Она же выступала оправданием для забвения клятвы в верности республике. Она также позволяла не рассматривать в качестве безусловной формулу «империя — это мир», ибо соображения «чести и достоинства» страны трактовались как допускающие в известных ситуациях войну в виде неизбежной данности.

В мировосприятии Наполеона III можно заметить следы влияния теории общественного договора, которая, однако, не играла центральной роли в его размышлениях. Несомненно также влияние на его воззрения социализма, что нашло выражение в программе по улучшению положения трудящихся. На формирование способа мышления будущего императора оказала влияние и теория географического детерминизма Монтескье. Отсюда убеждение Наполеона III в отсутствии единой системы правления, подходящей для всех времен и народов. Отсюда его призыв навсегда отказаться от копирования иноземных учреждений: у Франции свой путь, ближайший отрезок которого — империя. При этом Франция, в соответствии со своей исторической ролью, должна по-прежнему находиться во главе цивилизации. Призывая к продвижению «наполеоновских идей», он использовал классические для бонапартизма концепты: единение всех классов в империи, гарантия независимости, стабильности и равенства. Религия и собственность рассматривались Наполеоном III как вечные основы общества. Лозунг всеобщего единения под началом императорской власти позволял апеллировать к интересам разных классов, в зависимости от обстоятельств.

Хотя, как отмечалось, мировоззрение Наполеона III несет на себе черты влияния просветительских идей, он сам по типу мышления просветителем отнюдь не был, ибо воспринимал философские теории сугубо сквозь призму политических установок, неотделимых от представления об империи.

Литература

1. Desternes, S. and Chandet, H. (1961), *Napoléon III. Homme du XX siècle*, Paris: Hachette.
2. Napoléon III (1856), *Œuvres*, vols I–IV, Paris: Plon.
3. Bonaparte, N.-L. (1840), *Affaire de Boulogne. Discours du prince Napoléon-Louis devant la Cour des Pairs, prononcé dans la séance du 28 septembre 1840*, Paris: Imprimerie de l'Urtubie.
4. Наполеон (1956), *Избранные произведения*, М.: Воениздат.
5. Napoléon I (1858–1870), *Correspondance. Publ. par ordre de l'empereur Napoléon III*, vols I–XXXII, Paris: Plon.
6. Napoléon III (1865–1866), *Histoire de Jules César*, vols 1–2, Paris: Plon.
7. Водовозов, В. В. (1992), Наполеон III, в: *Энциклопедический словарь*. Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон, т. 40, М.: Терра, с. 548–553.
8. Napoléon III (1870), *Discours de l'empereur, prononcé à l'occasion de la proclamation solennelle du plébiscite du 8 mai 1870*, Angers: Imp. P. Lachèse, Belleuvre et Dolbeau.
9. Маркс, К. (1985), Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, в: Маркс, К. и Энгельс, Ф., *Избранные произведения*: в 3 т., т. 1, М.: Политиздат, с. 418–516.
10. Юго, В. (1953–1956), *Собрание сочинений*: в 15 т., М.: Гослитиздат.
11. Anceau, E. (2008), *Napoléon III. Un Saint-Simon à cheval*, Paris: Tallandier.
12. Pradalié, G. (1974), *Le second empire*, Paris: PUF.
13. Bluche, F. (1981), *Le bonapartisme*, Paris: PUF.
14. Bordonove, G. (1998), *Napoléon III*, Paris: Pygmalion.
15. Dansette, A. (1961), *Louis-Napoléon à la conquête du pouvoir*, Paris: Hachette.
16. Lahlou, R. (2006), *Napoléon III ou l'obstination couronnée*, Paris: B. Giovanangeli.

17. Glikman, J. (2011), *Louis-Napoléon prisonnier. Du fort Ham aux ors des Tuileries*, Paris: Aubier.
18. Girard, L. (2013), *Napoléon III*, Paris: Fayard.
19. Черкасов, П. П. (2015), *Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870)*, М.: КМК.

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2023 г.;
рекомендована к печати 7 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Кротов Артем Александрович — д-р филос. наук, проф.; krotov@philos.msu.ru

Philosophical Justification of Bonapartism by Napoleon III

A. A. Krotov

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Krotov A. A. Philosophical Justification of Bonapartism by Napoleon III. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 4, pp. 712–724. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.409> (In Russian)

The article analyzes the leading social and philosophical ideas on which Louis Bonaparte, officially called Napoleon III after the proclamation of the Second Empire in France, relied in his political activity. Key concepts of Bonapartism are considered: stability, independence, equality, unity of all classes in the empire, political leader as an exponent of the people's will, savior of the fatherland capable of establishing order in society. The article analyzes Napoleon III's ideas about progress and popular sovereignty. Long before occupying the highest state post, he proposed to base the future constitution of the country on "three authorities": the people (to elect the head of state, to authorize his acts), the legislative corps, and the emperor. In criticizing Republican rule, he saw its flaw in defending undeserved privileges as seen throughout history, in his view. He attributed Napoleon I the idea of creating European confederation of free peoples, denying the widespread idea that the emperor sought to establish a worldwide monarchy. Referring to the difference in the characters of peoples, mores, and climatic conditions of different countries, he called for refusing to copy foreign institutions, English and American ones. France, according to Napoleon III, has its own path in history; according to his ideas, it should be at the head of the civilization movement. In an effort to chart this path, he spoke of equality, property, and religion as crucial elements of social being. Progress, in his opinion, requires a periodic revision of the legislation, therefore, the transformation of the empire from authoritarian to liberal could be interpreted not as a forced measure, but as a pre-planned political initiative.

Keywords: Bonapartism, social philosophy, theory of popular sovereignty, forms of government, Napoleon III.

References

1. Desternes, S. and Chandet, H. (1961), *Napoléon III. Homme du XX siècle*, Paris: Hachette.
2. Napoléon III (1856), *Œuvres*, vols I–IV, Paris: Plon.
3. Bonaparte, N.-L. (1840), *Affaire de Boulogne. Discours du prince Napoléon-Louis devant la Cour des Pairs, prononcé dans la séance du 28 septembre 1840*, Paris: Imprimerie de l'Urtubie.
4. Napoléon I (1956), *Selected works*, Moscow: Voenizdat Publ. (In Russian)
5. Napoléon I (1858–1870), *Correspondance. Publ. par ordre de l'empereur Napoléon III*, vols I–XXXII, Paris: Plon.

6. Napoléon III (1865–1866), *Histoire de Jules César*, vols 1–2, Paris: Plon.
7. Vodovozov, V. V. (1992), Napoléon III, in: *Entsiklopedicheskii slovar'*. F. A. Brokgauz — I. A. Efron, vol. 40, Moscow: Terra Publ., pp. 548–553. (In Russian)
8. Napoléon III (1870), *Discours de l'empereur, prononcé à l'occasion de la proclamation solennelle du plébiscite du 8 mai 1870*, Angers: Imp. P. Lachèse, Belleuvre et Dolbeau.
9. Marx, K. (1985), The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte, in: Marx, K. and Engels, F., *Izbrannyye proizvedeniia*: in 3 vols, vol. 1, Moscow: Politizdat Publ., pp. 418–516 (In Russian)
10. Hugo, V. (1953–1956), *Collected works*: in 15 vols, Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russian)
11. Anceau, E. (2008), *Napoléon III. Un Saint-Simon à cheval*, Paris: Tallandier.
12. Pradalié, G. (1974), *Le second empire*, Paris: PUF.
13. Bluche, F. (1981), *Le bonapartisme*, Paris: PUF.
14. Bordonove, G. (1998), *Napoléon III*, Paris: Pygmalion.
15. Dansette, A. (1961), *Louis- Napoléon à la conquête du pouvoir*, Paris: Hachette.
16. Lahlou, R. (2006), *Napoléon III ou l'obstination couronnée*, Paris: B. Giovanangeli.
17. Glikman, J. (2011), *Louis-Napoléon prisonnier. Du fort Ham aux ors des Tuileries*, Paris: Aubier.
18. Girard, L. (2013), *Napoléon III*, Paris: Fayard.
19. Cherkasov, P. P. (2019), *Alexandre II and Napoléon III. Failed union (1856–1870)*, Moscow: KMK Publ. (In Russian)

Received: April 24, 2023

Accepted: September 7, 2023

Author's information:

Artem A. Krotov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; krotov@philos.msu.ru